

К 100-летию НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«НЕИЗВЕСТНАЯ» ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»

1 августа исполняется ровно 100 лет со дня начала Первой мировой войны (19 июля по ст. ст.), события, наложившего тяжкую печать на все последующее развитие человеческой цивилизации. О ее месте в мировой истории, а России в особенности, об истоках многих острых проблем современности размышляют за «круглым столом» преподаватели Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина доктора исторических наук Арутюн Айрапетов, Владимир Романов, Владимир Мионов, кандидаты исторических наук Владимир Дьячков, Наталья Жуковская. Ведет «круглый стол» доктор исторических наук Лев Протасов.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Европа; Америка; переустройство мира.

Л. Протасов. 20 лет назад журнал «Родина» провел опрос своих читателей на тему Первой мировой войны и выяснилось, что для 93 % она является «белым пятном» в истории. Полагаю, что ныне картина не лучше, учитывая растущее «бегство от истории» в новом поколении россиян.

Другое печальное наблюдение. Европа покрыта памятниками Первой мировой войне. В России она погружена в забвение. Единственный заброшенный памятник воинам русской армии находится на Волыни, под Луцком, в зоне прорыва на Юго-Западном фронте в 1916 г. Я видел его тридцать лет назад, но теперь это другая страна, и я не поручусь за его сохранность. Первой мировой почти нет в нашей литературе, почти нет в кинематографии.

Многие десятилетия эта война в нашей стране именовалась «империалистической», и это все объясняет. Историк-марксист М.Н. Покровский писал: «Если бы война привела к уничтожению мирового империализма, ее почитали бы как наполеоновские войны». Но империализм удержался, поэтому Первая мировая война перечеркнута революциями 1917 г. в России и Гражданской войной, героям которых и досталась вся мемориальная слава.

Показательна посмертная судьба генерала А.А. Брусилова, в силу обстоятельств оказавшегося на советской военной службе. В 1920–1930-е гг. его прославляли как полководца, публиковали его воспоминания, пока не обнаружили в архивах его резкие высказывания о большевиках. После этого его имя

было надолго изъято из истории войны, а знаменитый Брусиловский прорыв тихо переименовали в Луцкий.

В. Дьячков. Признаю, что и в лучшую пору советского образования место российского участия в Первой мировой войне в школьных и вузовских курсах по истории СССР было меньше объема вопросов по 1905–1907 и 1917 гг.

Тем не менее, в учебнике для 9 класса фрагмент истории России 1914–1916 гг. занимал целую главу, т. е. 4–5 уроков. А кроме того, Первой мировой было посвящено несколько уроков по всеобщей истории. А еще были уроки по литературе, экранизации и театральные постановки – от А. Толстого, А. Блока, С. Есенина до М. Шолохова, М. Булгакова и В. Маяковского. Для тогдашних «любителей чтения» эпоха Первой мировой открывалась в творчестве многих других художников нашего «серебряного века», а также в книгах зарубежных писателей вроде Э. Ремарка, Р. Олдингтона, Р. Мартена дю Гара, Э. Хемингуэя, не говоря уже о Я. Гашеке с его «Похождениями бравого солдата Швейка». Не забудем и о популярной серии «Военные мемуары». Да, книги А. Деникина, П. Краснова, П. Врангеля и прочих «белых» мемуаристов были доступны лишь специалистам, но и то, что опубликовали в СССР, – от воспоминаний А. Брусилова, А. Игнатьева, А. Верховского до мемуаров генералов и маршалов Великой Отечественной – нетрудно было снять с книжной полки. И не забудем, что в пределах прямого общения находились еще миллионы свидетелей и участни-

ков переломных военно-революционных событий.

В. Миронов. В Австрии «Великая война» была, по крайней мере, в 1920-х гг. неотъемлемой частью национальной памяти благодаря деятельности «Австрийского Черного Креста». В ней присутствовал и региональный опыт, обусловивший серьезные различия в сознании населения. Непосредственно на этнической территории Австрии военные действия шли на западе и юге, тогда как восток и север с Венной оставались на удалении от театров боевых действий. Так, сильный отпечаток на тирольскую память о войне наложил раздел Тироля на Парижской мирной конференции. В горной местности до сих пор наталкиваются на останки австро-венгерских военнослужащих, сохранившиеся в альпийских ледниках. Последняя такая находка случилась в октябре 2012 г., когда в итальянской провинции Брешиа, в районе Адамелло, были обнаружены на высоте 3 км тела двух егерей, вмерзших в лед.

В общественном сознании современного австрийского общества сложился идеализированный образ Первой мировой войны, подпитываемый деятельностью различных военно-исторических союзов. Создаваемая их усилиями габсбургская идиллия порождает опасность того, что за внешним блеском униформы исчезает истинная природа событий 1914–1918 гг.

Л. Протасов. В самом названии Первой мировой войны заключено указание на ее глобальность. Современники, еще не зная всех ее последствий, называли ее Великой, и так она обычно именовалась до новой мировой войны. Она охватила 38 государств Европы, Америки, Азии и Африки из существовавших тогда 59 стран. Она велась на территории в 4 млн кв. км, вовлекла более 1,5 млрд человек.

Первая мировая – это пролог истории XX в. для всего мира, и для России в особенности. Она впервые поставила на грань гибели мировую цивилизацию, став тяжелым испытанием для человечества. Но и сама она была следствием коренных перемен в мире, одним из страшных и наглядных проявлений кризиса мировой цивилизации.

К началу XX в. его материальной основой являлось быстрое развитие рыночных отношений на базе индустриального произ-

водства и технического прогресса. С одной стороны, это позволило западному обществу сделать резкий рывок вперед, с другой – породило негативные явления, механизм преодоления которых еще не был сформирован. По мере индустриального прогресса масса трудящихся превращалась в придаток промышленного конвейера, гуманистические ценности все более уступали место технократическому, наконец, тоталитарному сознанию, что способствовало невиданному усилению роли государства, превращавшегося в носителя общенациональной идеи, заменявшей идеи демократии. Во всех воюющих странах свергивалась демократия, суживалась сфера рыночных отношений, уступая место государственному регулированию производства и распределения.

Логика истории вела к усилению борьбы между странами за рынки, за политическое влияние. Обострение соперничества стран определялось также в значительной мере неравномерностью их экономического развития, что влияло на степень и формы их внешней экспансии.

А. Айрапетов. В последней четверти XIX в. в организме буржуазного общества происходят глубокие изменения, повлекшие за собой деформацию основ, на которых базировался капитализм свободной конкуренции. Конкурентные рынки все больше превращались в монопольные, а в международных отношениях набирали силу империалистические тенденции.

Любопытно, что контрдвижение против экономического либерализма стало спонтанной реакцией, которая охватила все без исключения развитые страны, так что даже самые последовательные приверженцы этого учения не могли не осознать того, что *laissez faire* несовместим с условиями *развитого* (курсив наш. – А. А.) рыночного хозяйства, требовавшего государственного вмешательства. Это ведет к ряду серьезных последствий, в т. ч. и касающихся вопросов мира и войны. Нарастает жесткая борьба за внешние рынки, колониальная экспансия и территориальные споры ведут к военным конфликтам, в т. ч. глобального масштаба.

В начале XX в. сложились блоки стран: с одной стороны, это Германия, Австро-Венгрия, Италия, оформившиеся в Тройственный союз, с другой – Англия, Франция и

Россия, создавшие Антанту. Ведущую роль в блоках играли Германия и Англия. Конфликт между ними лежал в основе будущей мировой войны. Англия защищала сложившуюся мировую иерархию. Ей прямо не угрожало вторжение, но ее темпы промышленного развития уступали Германии, и она теряла свое морское господство.

Германия вышла на второе место в мире по уровню промышленного производства (после США) и первое в Европе. Но ее геополитическое положение не соответствовало растущей мощи монополий, ее амбициям. Колониальные владения Германии были скромны в сравнении с другими индустриальными странами (лишь 3,5 % территории при 2,3 % населения).

В. Дьячков. История как наука призвана отвечать на вопрос «почему?», раскрывать связи ключевых исторических пружин и процессов. В иерархии факторов, затянувших главные страны в бойню 1914–1918 гг., политическая, социальная, экономическая, культурная, военная история эпохи Первой мировой войны изучена досконально. Наука ушла на более глубокие уровни объяснения того, что взорвалось летом 1914 г., продолжилось катаклизмом 1917 г., потрясениями революций в Европе и Азии, нашей Гражданской и «постреливало» то там, то здесь вплоть до нового обрушения во Вторую мировую войну.

За поверхностным объяснением открывается синергизм, влекущий человеческие сообщества к перенаселению, усиленному остальными проблемами и конфликтами. А от него – к неизбежному развитию массового и индивидуального стресса, к массовой и индивидуальной агрессии и, наконец, к прорыву этой агрессии в убойных внутренних и внешних войнах, революциях с сопутствующим им набором бедствий. Итог – резкий сброс давления в популяции за счет уничтожения значительной части плодovitого населения, деформации прежней модели воспроизводства населения. Большинство из нас не видят и не понимают (но часто интуитивно чувствуют) эти глубинные причины, ритмично толкающие страны и народы к большим войнам.

Изучая демографические процессы, удалось на длинных непрерывных рядах статистики вскрыть длительные (28-летний,

112-летний) природно-демографические ритмы с их циклическими фазами набора и сброса давления в традиционных и переходных популяциях.

42-летние «военно-революционные» фазы сброса давления в перенаселенных популяциях в последние (для краткости) семь 112-летних природно-демографических циклов пришлось, соответственно, на 1233–1275, 1345–1387, 1457–1489, 1569–1611, 1681–1723, 1793–1835, 1905–1947 гг. Припомните за эти восемь веков самые известные войны, крупнейшие битвы, кровавые революции и нашествия из отечественной и всемирной истории и посмотрите – на какие хронологические отрезки попадут почти все они. На «военно-революционную» фазу 1904–1905 – 1946–1947 гг. только у нас в России последовательно пришлось русско-японская и Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война с продолжением в массовых межвоенных репрессиях, Вторая мировая война.

Кстати, сегодня, в 2014 г., от начала очередной фазы сброса демографического давления перенаселенные зоны Земли отделяют всего два года. Вам не кажется, что в этих местах агрессии становится все больше, что войной простреливает все чаще, что глобальная индукция стресса и агрессии захватывает и недавно «мирные», «успокоившиеся» общества?

Читателей научного журнала, возможно, заинтересует графическое отображение длительных природно-демографических ритмов в традиционных и переходных популяциях за 1829–1968 гг. Годы двух мировых и Гражданской войн в «военно-революционной» фазе 112-летнего цикла (1904–1905 – 1946–1947 гг.) отмечены крупными маркерами (рис. 1).

Памятуя о глубинном, «подземном» факторе большой войны, которым является природно-демографическая необходимость, людям не стоит обольщаться свободой собственного выбора и более крупными историческими альтернативами. В российском же случае эта парадигма реализовалась самым ярким и кардинальным образом.

Л. Протасов. Первая мировая, в принципе, отличалась от самых продолжительных и разрушительных войн прошлого.

Прежде всего, это была война народов. Во второй половине XIX в. изменился харак-

тер комплектования армий, включая российскую. Переход к воинской повинности увеличил мобилизационные потенциалы стран и приблизил рядовой состав к гражданскому населению, у которого, соответственно, выработывался негативный опыт, противоположный ценностям гражданского общества. В этом смысле Первая мировая война дала образцы психологического ожесточения, оправдания насилия в больших масштабах.

Далее, это была война экономик. Она породила милитаризацию народного хозяйства и связанные с этим новшества вроде государственного регулирования экономики, трудовой повинности для населения, карточной системы и т. п. В.И. Ленин называл Германию страной гениально организованного голода, а милитаризация экономики, общества, сознания в воюющих странах подвела его к выводу о приближении социализма. Осенью 1917 г. он писал: «Война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать».

Наконец, она была и первой войной машин. За ее годы было произведено около 1 млн пулеметов, 9 тыс. танков, тысячи самолетов, создан подводный флот. Военная

направленность индустриального прогресса стала очевидной, следующим шагом стало создание оружия для массового уничтожения людей. Уже в 1915 г. состоялось первое применение химического оружия немцами в Бельгии. Техническое превосходство стало важнейшим фактором успеха, кардинально изменило военную тактику.

Такого рода война может возникнуть, даже если ее никто не хотел (и в этом особая опасность – не зря иные публицисты уверяют, что третья мировая война уже идет!). Даже Германия, несмотря на всю ее агрессивность, до поры не стояла за войну такого масштаба. Основные участники конфликта рассчитывали либо на эмоциональное воздействие военных угроз, либо на войну локальную и скоротечную. Европейские страны стали жертвой спонтанного развития событий. В данном случае поводом к войне послужил трагический выстрел в Сараево, истинные же ее причины коренились в сложных противоречиях между странами-участницами. Тщетно искать конкретную причину, по которой она началась. «Война началась по всем причинам сразу» (В. Вильсон).

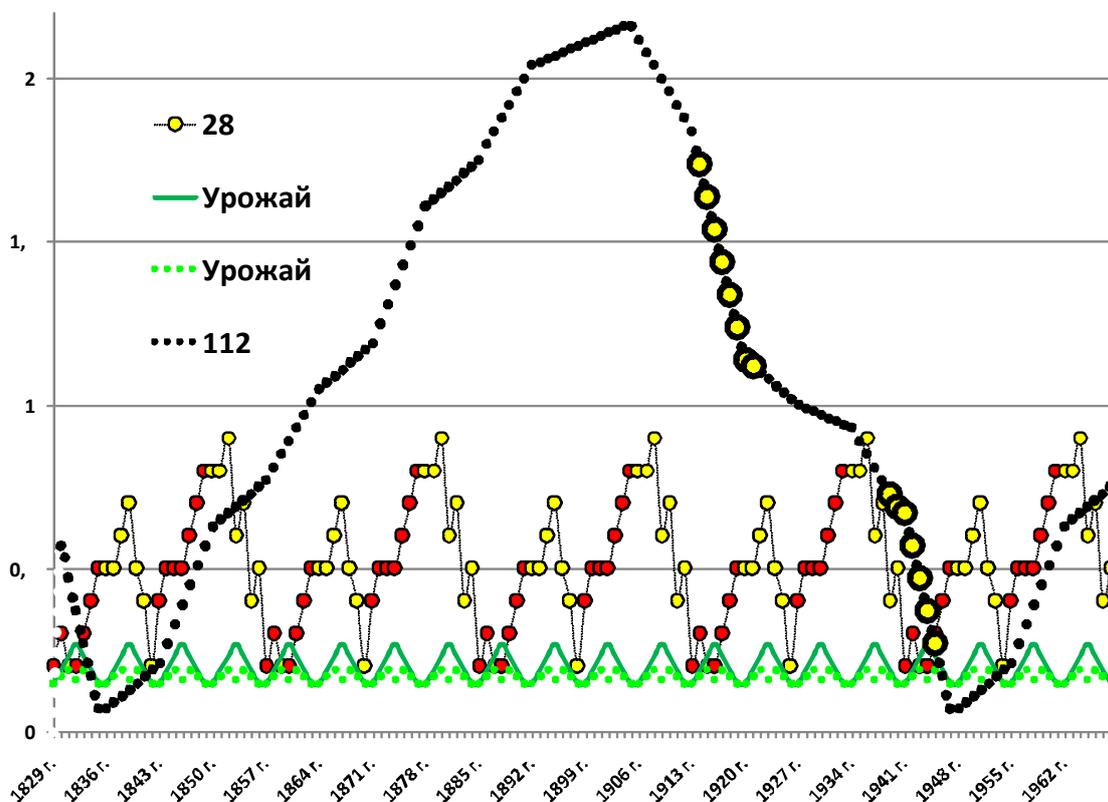

Рис. 1. Природно-демографические ритмы за 1829–1968 гг.

Приближение «большой войны», между тем, ощущалось подобно сейсмическим колебаниям почвы. Многие историки считают ее началом уже Балканские войны 1912–1913 гг. за «наследство» Османской империи.

Тем интереснее вопрос: как встретило войну общество ведущих держав?

А. Айрапетов. Первая мировая война началась еще до того, как развернулись боевые действия. Ее оружием сначала были слова. Первый манифест, подписанный несколькими английскими учеными, появился 1 августа 1914 г., в нем содержался призыв к правительству отказаться от участия в войне, которая прямо не затрагивает британские интересы. Через несколько дней появляется другой манифест, подписанный уже десятками ведущих ученых и литераторов, в котором, помимо ссылок на вторжение в Бельгию, содержались все главные тезисы пропаганды Антанты: война идет не с Германией науки и искусства, И. Гете и Ф. Шиллера, а с милитаризмом и экспансионизмом правящей юнкерской верхушки. Ответом на это был получивший известность манифест виднейших немецких ученых и литераторов «К культурному миру». Он состоял из антитезисов, каждый из которых начинался со слов: «Неправда, что...». Показательно, что иные из этих утверждений сразу вызвали возмущение не только в странах Антанты. Как могли восприниматься слова о том, что Германия вообще не нарушала суверенитета Бельгии? Разве не сгорела библиотека в Лувене, не был разрушен артиллерией собор в Реймсе?

Разумеется, немецкие профессора имели основания укорять своих оппонентов в лицемерии, когда те писали, что война ведется странами Антанты за ценности цивилизации, за свободу. Ведь принадлежность Центральной Европы к «европейской цивилизации» не вызывала сомнений. Но немецкие ученые и литераторы утверждали нечто большее: с их стороны война была объявлена «войной духа». Они пользовались той же дихотомией, оценивая страны Антанты: существует Россия Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского и Россия царского самодержавия; Франция Р. Декарта и Б. Паскаля находится в конфликте с цивилизацией рантье; историк Г. Дельбрюк писал о «двух Англиях». Из Берлина на весь мир вещали, что Германия несет человечеству новую эру, отменяющую

наследие либерализма и «идей 1789 г.», которым противопоставлялись «идеи 1914 г.».

В своих воспоминаниях Нобелевский лауреат по литературе Т. Манн так передавал суть «идей 1914 г.»: «Немцам казалось, «что после Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью, повести за собой мир; что XX в. принадлежит нам и что по истечении провозглашенной около 120 лет назад буржуазной эпохи мир должен обновиться под знаком немецкой эры». «Эта мысль, – продолжал он, – завладела нашими умами вместе с убеждением, что война нам навязана, что лишь священная необходимость заставила нас взяться за оружие».

На деле же, по мнению философа В. Зомбарта, речь шла о примате ценностей воина, героя. Война-де облагораживает нацию, позволяет выявить эти человеческие доблести. До войны торгашеская культура, буржуазное мировоззрение уже стали завоевывать мир своим стремлением к материальным благам и к комфорту. Однако богатство и комфорт не могут быть высшими ценностями жизни; там, где они делаются таковыми, жизнь неизбежно обречена на упадок.

Начало войны было с энтузиазмом встречено городскими массами практически всех стран-участниц. Митинги, шествия, торжественные проводы эшелонов на фронт – таким был отклик европейских элит и среднего класса. Мобилизованные крестьяне шли на войну покорно, без восторга. Лидеры рабочего движения поддерживали во всех странах «оборонительную» войну, но у одетых в шинели молодых рабочих восторга она не вызывала. Зато их сверстники из дворянских и буржуазных семей записывались добровольцами, заполняли юнкерские училища. С фронта не вернется примерно треть выпускников Оксфорда и Кембриджа. Отправились на войну и отдельные представители интеллектуальной элиты: Э. Юнгер, Л. Витгенштейн, Ф. Степун, Н. Гумилев.

Перед всеми политическими партиями встал вопрос, как реагировать на эту войну. В наиболее сложном положении оказались социал-демократы. По логике их предвоенных конгрессов они были обязаны резко осудить войну. «Пролетарский интернационализм» – их ключевой слоган, в этой ситуации стал выглядеть чем-то мифическим. Говорить об оппозиции властям в обстановке ура-

патриотической эйфории стало опасно. Трагическая судьба Ж. Жореса – далеко не самого радикального социалиста – яркое тому подтверждение. Подавляющее большинство лидеров социал-демократов предпочли прагматизм идеологическим постулатам, высказались в поддержку своих правительств, а их парламентские фракции вотировали военные расходы.

Хорошо известна оценка этого явления В.И. Лениным, который резко осудил позицию руководства ведущих социал-демократий. По мере затягивания войны ленинская альтернатива, отвергнутая в 1914 г., все очевиднее отражала массовые протестные настроения. Но В.И. Ленину, как и К. Марксу, и К. Каутскому, свойственно было рассматривать мир национального через призму классовой социологии. Между тем предсказанный В.И. Лениным послевоенный революционный подъем не привел ни к победе мировой революции, ни к созданию Соединенных Штатов Европы. Как раз наоборот, Европа сделала новый шаг в направлении суверенизации наций, а гражданская война в ряде стран стала феноменом расколотой нации.

Л. Протасов. Война всегда обостряет национальное самосознание, и власть это хорошо понимает. Накануне Первой мировой резко усилилась пропаганда шовинизма практически во всех странах. Она ложилась на подготовленную почву. Развитые индустриальные государства, добившиеся ощутимого превосходства в экономическом развитии в сравнении с другими народами, стали ощущать и свое расовое, национальное превосходство, идеи которого становятся элементом официальной государственной идеологии.

Наиболее активную и эффективную психологическую обработку населения проводила Германия. Особую роль в этом играла система образования, утверждавшая пангерманскую идеологию. Приписываемая О. Бисмарку фраза о немецком учителе как победителе в битвах при Садовой и Седане, которые решили судьбы объединенной Германии, верно подчеркивает значимость таких качеств, как образование, дисциплина, организация, культ силы, национальное чувство.

В многонациональной Австро-Венгрии решать эти задачи было сложнее, особенно в антиславянской пропаганде. В Англии она

строилась на растущей германской военно-экономической мощи и угрозе британскому колониальному господству. Даже в Сербии после двух победоносных балканских войн у правителей закружилась голова и созрела мечта о великом славянском государстве под эгидой сербов. Тайная офицерская организация «Черная рука» толкала Сербию к войне. Авантюристы были убеждены: начнем войну, за нас заступится Россия, а за спиной России мы непобедимы. Известна также подстрекательская роль великих княгинь-«черногорок» в ближайшем царском окружении.

В. Дьячков. В России дело с индоктринацией обстояло наихудшим образом. Официальная пропаганда идей панславизма могла встретить отклик лишь у наиболее образованной части общества. Между тем масштабы войны объективно выдвигали на первое место задачи воспитания общества в предвидении суровой проверки его морального духа. Российские государство и общество провалили эту работу. У них не оказалось доктрины или хотя бы идеи, способной консолидировать народ на период долгого и крайнего напряжения сил. Политическая либерализация страны, заметный социальный и экономический прогресс предвоенных лет диссонировали с атмосферой войны, требовавшей жесткого самоограничения.

Бросается в глаза, что в средствах воздействия на общественное сознание военная пропаганда занимала недопустимо малое место. По газетным сводкам трудно отличить описание боевых действий на западных фронтах от того, что происходило на русском – настолько они скупы, бесстрастны. Государственная дума – связующее звено между властью и обществом – была практически устранена от решения военных вопросов и собиралась крайне нерегулярно. Война не заняла должного места и в поведении элиты. Министерские и придворные интриги, Г. Распутин, внутридумская борьба заслоняли главную задачу поддержки военных усилий страны. Деловые круги более руководствовались коммерческой выгодой, чем патриотическим порывом.

Поразительно восприятие войны интеллигенцией. По дневникам, письмам, стихам и прозе большинства деятелей культуры не всегда можно догадаться, что Россия вела в ту

пору большую войну. Огромна популярность военно-патриотических «шлягеров» периода Великой Отечественной войны – Первая мировая не дала ничего подобного. Сочинялось и пелось совсем иное: «Белой акации гроздь душистые», «Я помню вальса звук прелестный» и другие салонные шедевры.

Л. Протасов. Добавлю еще несколько размышлений. Ресурсы пропагандистской войны против Германии, главного военного противника, были ограничены династическими связями и прогерманскими настроениями в царском окружении и в правых политических кругах, а также в крупном дворянстве. Достаточно напомнить Записку П.Н. Дурново, российского Нострадамуса, поданную императору в феврале 1914 г., в которой сановник предостерегал его от войны с Германией, с поразительной точностью предсказав ход и результаты такой войны для России и для монархии в частности. Приведу короткую цитату: «В случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, неизбежна». Премьеры П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, да и император противились, как могли, войне. Незадолго до гибели П.А. Столыпин писал послу А.П. Извольскому: «Нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губительна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической... Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны».

Внешняя активность России превышала уровень, допускаемый ее внутренним развитием. Однако замечу, что она старалась уклониться от «большой войны», по крайней мере, до завершения перевооружения армии к 1917–1918 гг. До последнего момента царь пытался путем контактов с кайзером разрешить ситуацию мирно, предлагал вынести австро-сербский конфликт на международную конференцию. Но уклониться от войны не получилось из-за тесных союзнических обязательств России, поскольку оперативные планы Антанты были связаны между собой. Кроме того, она рисковала потерять лицо. Она уже отступала в Боснийском кризисе

1908 г., в балканском конфликте 1912 г. Не поддержать Сербию в ее конфликте с Австро-Венгрией на этот раз означало бы, что Россию просто списали со счетов как великую державу.

В стране имелась, несомненно, «военная партия», неформальным лидером которой был великий князь Николай Николаевич. Но, в любом случае, не Россия была инициатором войны, и идущая от М.Н. Покровского попытка представить ее главным виновником войны вместе с Германией научно несостоятельна.

Имела ли Россия свои интересы в этой войне? Несомненно, и это не только черноморские проливы, через которые шла подавляющая часть ее экспорта. Это и восточная Галиция, которая была в составе Австро-Венгрии, и объединение всех польских земель под скипетром Романовых, и продвижение в Закавказье. Были и конкретные социальные интересы. Среди крестьян были распространены слухи, что после войны земли немецких колонистов будут конфискованы и розданы им.

Означает ли это, что Первая мировая была для России войной отечественной? 26 июля 1914 г., через неделю после ее начала, состоялась сессия IV Государственной думы, на которой из уст премьера А.Д. Горемыкина и ряда политиков звучало сравнение ее с Отечественной войной 1812 г. Так, лидер либералов П.Н. Милюков заявил буквально: «Наше дело правое» (слоган, позже использованный В.М. Молотовым в речи 22 июня 1941 г.). Поскольку война была объявлена Германией, а Россия выступила обороняющейся стороной, ряд современных историков считает эту войну отечественной. Не исключено, что формулировка «вторая отечественная война» всплывет и в официальных заявлениях, в учебниках истории. Но это совершенно не исторично, учитывая масштаб антивоенных настроений в стране начиная с 1915 г. и глубокий социальный раскол, приведший к революции.

В этой связи не уйти от вопроса: была ли Россия обречена на поражение, начав с неудачной восточно-прусской операции в августе 1914 г. и закончив брестской капитуляцией в марте 1918 г. перед почти побежденной Германией? Да, Россия не была достаточно готова к войне, как, впрочем, бывало и

прежде. Предполагалось, что она продлится не более 5–6 месяцев и будет менее разрушительной для стран аграрных, как Россия. Однако фатальной обреченности на конечное поражение не было. С 1915 г. русская армия нормально снабжалась боеприпасами и вооружением, исключая тяжелую артиллерию, а совокупные ресурсы Антанты были неизмеримо выше австро-германских, что в позиционной войне на истощение предвещало успех. В целом военно-промышленный комплекс России справлялся с вызовами войны. Но все проблемы упирались в политическое руководство, которое оказалось не на высоте. С лозунгом «Все для фронта, все для победы!» не сложилось, поскольку для этого нужно социальное и национальное единство в стране. А социалисты внушали непросвещенным массам, что война ведется ради прибылей кучки олигархов. И страна не выдержала этого напряжения.

В. Миронов. В австрийской историографии экспансия Австро-Венгрии на Балканах рассматривается в качестве ключа противоречий, породивших мировую катастрофу 1914–1918 гг. Вена рассчитывала с помощью победы над Сербией лишить собственное сербское население зарубежного центра национального притяжения и спасти Габсбургскую монархию. В современной австрийской науке на смену концепции вассалитета Австро-Венгрии в отношениях с Германией пришло утверждение, что Вена, стремясь путем развязывания «третьей балканской войны» отстоять свой статус великой державы перед Берлином, действовала как равноправный партнер.

С началом войны австрийские немцы, стремившиеся сохранить за собой ведущие позиции в многонациональной империи, были поставлены перед выбором: либо выступить вместе с другими нациями монархии за «справедливое дело» Австро-Венгрии, либо присоединиться к узконациональной трактовке войны как поединка за судьбу немецкого народа. В ее решении они, как правило, впадали в ошибку преувеличения степени государственной нелояльности славянских народов.

Что касается официальной идеологии, то безоговорочная поддержка католическим епископатом призыва к «справедливой оборонительной войне» способствовала мобили-

зации масс под религиозным знаменем. Одним из каналов, посредством которого в Австро-Венгрии осуществлялось мощное пропагандистское «оболванивание» подрастающего поколения, была система школьного и университетского образования.

В. Романов. Отношение США к войне, в которую она вступила только в апреле 1917 г., претерпело эволюцию. Первоначально президент, как и большинство американцев, разделял нейтралистские настроения, связанные с желанием сохранить баланс сил в Европе. В общественном сознании американцев европейские участники войны представлялись неким единым целым, а связывали их захватнические устремления обеих группировок.

В нейтралитете выразился традиционный американский подход к европейским конфликтам, заложенный еще Дж. Вашингтоном. Президент В. Вильсон наполнил концепцию невмешательства своими «моралистическими» мотивами: он надеялся не просто изолировать США от «неправедной войны», но и найти путь к спасению «греховного» Старого мира. Многофакторность при обосновании концепции нейтралитета и ее очевидный американоцентристский характер всегда вызывали и вызывают самые противоречивые оценки историков. Тем не менее, большинство специалистов ныне не подвергает сомнению искренность внешнеполитических намерений президента В. Вильсона. Он неоднократно пытался выступить в роли посредника между воюющими сторонами (сначала секретные миссии полковника Э. Хауза в Европу, а затем и публичные действия американской дипломатии).

Постепенно в результате активных торговых операций США с воюющими государствами значительная часть мирового золотовалютного ресурса перешла под американский контроль. Исходя из этого, В. Вильсон дополнил свою концепцию дистанцирования от конфликта предложениями по послевоенному устройству мира. В речи перед Лигой по принуждению к миру (League to Enforce Peace) 27 мая 1916 г. он подчеркнул, что теперь США получили право голоса в решении вопросов войны и мира.

Примечательно, что для обоснования участия США в войне В. Вильсон соединил аргументы в пользу установления нового миропорядка, основанного на концепции сво-

бодных наций, со своими понятиями об американской миссии и национальной безопасности. Неслучайно было принято решение о присоединении США к антигерманской коалиции на правах «ассоциированной», а не союзной державы. Такой статус позволил руководству США сохранить полную свободу действий на международной арене. Английский дипломат и разведчик У. Уайзман в одном из своих докладов (август 1917 г.) подчеркивал, что американцы, вступив в войну, «чувствуют себя скорее третейским судьей, чем союзником».

А. Айрапетов. Германии сложнее всего было обосновывать оборонительный характер войны с ее стороны. И не только потому, что она объявила начало военных действий, вторглась в Бельгию и вела войну на чужой территории. В сравнении с другими, немцам церквям было труднее объявлять войну «богоугодной». Расистские принципы вдохновляли уже в то время значительную часть германской элиты. Не чужд расизму был и кайзер Вильгельм II, повторявший, что война, развязанная Сербией и Россией, имеет расовый характер – между германством и славянством.

Либеральные политики, игравшие главную роль в определении политического курса стран Антанты, представляли военное противостояние как конфликт либерально-демократических и реакционно-охранительных сил. Последние олицетворяла Германия и ее союзники.

Еще одна насущная проблема, созданная Первой мировой войной – человек и война. Христиане понимали, что убийство есть грех, но церкви благословляли войну; европейские социалисты, чаще всего в Бога не верившие и до войны провозглашавшие ее злодеянием господствующих классов, теперь в большинстве своем ее оправдывали.

Правые и левые сходились в оценке самого типа человека, который стал доминировать в предвоенной и военной Европе. Если буржуа революционной эпохи иной раз проявлял героические черты, если нечто созидательное было присуще «грюндерам» последней трети XIX в., которые становились «угольными» или «стальными баронами», то их дети и внуки предстают как откровенные рэпты, потребители. Конечно, в войну выросли нувориши. Но власть денежных меш-

ков не может быть вечной. Для одних торжество новой «аристократии труда» наступит в результате социалистической революции, для других эта аристократия предстает как сплав воинских доблестей феодального мира и современной научно-технической и управленческой мысли и воплощена в ученых и менеджерах.

Л. Протасов. Мировая война сопровождалась «одичанием народа», о котором публицисты писали еще в 1916 г. И сама война утратила последние остатки средневекового рыцарства в соблюдении законов и обычаев войны, что особенно проявилось в массовых зверствах и в отношении к военнопленным. На Западе эта проблема выглядит более рельефно, благодаря литературе, где появилось в качестве героя «потерянное поколение». Это десятки миллионов молодых мужчин, искалеченных духовно и физически в окопах Первой мировой.

Н.А. Бердяев писал о послевоенном генотипе человека: «Появился новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних русских лиц. Это были лица гладко выбритые, жесткие по своему выражению, наступательные и активные». Социолог Э. Фромм обнаружил у огромного количества людей в Германии авторитарный социальный характер, неприятие всего необычного, упование на власть, когда человек начинает идентифицировать себя с тем, кто в данный момент начальник. Такая нравственно-психологическая ситуация благоприятствовала победе нацизма в Германии, не встретившего настоящего сопротивления в обществе. Показательно, что эти процессы отмечены и в Англии, чья территория не страдала от военных действий, которая оставалась крупнейшей империей, когда другие империи рухнули. Но были утрачены, судя хотя бы по классическим романам Р. Олдингтона и Д. Голсуорси, ощущение имперского величия, прочности, стабильности. Многолетняя привычка к войне, распространявшаяся, особенно в побежденных странах, милитаристское сознание оказались в ряду важнейших факторов, через пару десятилетий толкнувших человечество к новой мировой войне.

В. Миронов. В Австрии вплоть до 1990-х гг. в исторических трудах господствовала кон-

цепция, согласно которой «последняя схватка» Габсбургской монархии с якобы типичным для нее рыцарским кодексом чести была полной противоположностью опустошительных и кровопролитных войн XX в. На самом деле, Первая мировая война, характеризовавшаяся систематическим нарушением международного законодательства Германией и ее союзниками, обозначила четкий водораздел в обращении военных с гражданским населением оккупированных территорий. А в Австро-Венгрии не только оно, но и собственные подданные в прифронтовых регионах, в первую очередь в Восточной Галиции, стали жертвой массовых военных репрессий. Бурную дискуссию в австрийском обществе осенью 2004 г. вызвала канонизация императора Карла. Миротворчество, приписанное католической церковью последнему Габсбургу на австрийском троне, серьезно расходилось с фактами: именно Карл осенью 1917 г. настаивал на применении немецкими войсками удушливых газов при подготовке операции по прорыву итальянского фронта.

Первая мировая война кардинально изменила существовавшие в обществе нравственные ориентиры. Господствовавший на фронте культ насилия объективно привносил силовые способы разрешения проблем в жизнь послевоенного общества. На смену прочному убеждению в рациональном мироустройстве, несовместимом с бесцельным истреблением человеческих жизней, постепенно пришло представление о войне как о массовой бойне, развязанной правящими кругами. В критическом переосмыслении военными своего фронтового опыта лежали истоки пацифистского движения, набравшего силу после окончания Первой мировой войны.

Л. Протасов. Наконец, вопрос, который сводится к урокам Первой мировой войны – ее последствия для России, для ее союзников и противников, для мира в целом. Война открыла ящик Пандоры. 10 млн убитых, 20 млн искалеченных – таков ее итог. Она привела к краху империй, к русской революции 1917 г., к началу антиколониального движения, которое революционизировало мир. Окончание войны повлекло за собой длительный кризис демократического строя, давший толчок росту фашизма. Она не уберегла от новой катастрофы – Второй мировой войны. Это дает

основание некоторым авторам утверждать, что была одна Мировая война, в которой Версаль был лишь короткой мирной передышкой, что без Первой мировой войны не было бы Второй. Лорд Кейнс, британский эксперт на Парижской мирной конференции, считал, что Версальская система ставит перспективы мирного развития на грань пропасти: «Существо, которое вылупится из этого яйца, будет ужасно».

Последствия войны были катастрофичны для народного хозяйства большинства стран. Они вылились в длительные экономические кризисы, в основе которых лежали гигантские хозяйственные диспропорции, возникшие в военные годы. На фоне общего падения жизненного уровня населения шло укрепление и обогащение монополий, связанных с военным производством. Они все более стали определять пути дальнейшего развития, ведущие к катастрофе западную цивилизацию.

До войны Россия с каждым днем уходила от революции. Большевики использовали войну, всячески стимулируя, как они это называли, превращение войны империалистической в гражданскую. Это была их главная цель, и они сумели извлечь максимальную выгоду (не хочется говорить: пользу) для себя. С их победой Россия выпала из европейского концерта. Империя перестала существовать, а СССР, несмотря на дипломатическое признание, надолго был отодвинут от центров европейской политики. Стране потребовалась новая модернизация, которую и предложил собой большевизм. Но он же породил и идеологию «осажденной крепости» и «оборонное сознание», уродливо деформировав весь механизм модернизации.

В. Дьячков. Кроме системного перелома в виде революции 1917 г. и Гражданской войны Первая мировая война приготовила для России связку менее явных, но очень важных ближних и среднесрочных последствий. Она прервала третий этап индустриализации страны, который в совсем иной «обертке» с середины 1920-х гг. продолжат и завершат большевики. Говоря шире, той войной была надолго остановлена пятидесятилетняя пореформенная модернизация страны.

Первая мировая война остановила и «столыпинское» переустройство деревни.

Они же, большевики, через 15 лет «решат» аграрный вопрос в пользу государства и города путем превращения крестьянства в советское сельское население, собранное в 250 тыс. колхозов и совхозов вместо 27 млн отдельных дворохозяйств.

Не менее значимы демографические и социально-психологические последствия Великой войны. Безвозвратные потери России за три года боевых действий были, по любым подсчетам, менее 2 млн человек, что было, как минимум, в полтора раза меньше прироста населения за один (!) предвоенный и даже военный год. В иных обстоятельствах империя не слишком заметила бы такой урон, поскольку в циклических эпидемиях и голодовках неурожайных лет она теряла много больше. Но дьявол – в деталях.

Длительное изъятие почти 16 млн мужчин в армию, резкое усиление перспектив несоздания вовремя семей привели к надлому традиционной модели воспроизводства. Он выразился в ступенчатом кратном падении числа рождений с 1915 г. к 1917 г., в росте женского безбрачия, в дисбалансе полов в плодovitых возрастах, в умножившихся распадах семей, в эскалации «гонки за женами», приводившей к ненормальным возрастным перекосам в брачных парах. Особой статьей шло разрушение сельского годового брачного ритма (кратный рост числа браков в страдные поры) и отторжение церкви как регулятора брачного поведения.

Вместе с тем человеческие потери и военные нагрузки распределялись по стране неравномерно. Основную тяжесть войны вынесла Европейская Россия, что в сочетании с Гражданской войной деформировало социально-экономический и этнокультурный баланс в пользу миров Средней Азии и Кавказа.

Платой общества за войну стало и массовое развитие т. н. «социальных» болезней и болезней военного стресса: туберкулеза, тифов, алкоголизма и наркомании, сердечно-сосудистых, онкологических и венерических заболеваний. Еще более травматическим было падение ценности жизни, укоренявшейся привычки решать личные (по преимуществу «шкурные») вопросы вооруженным насилием.

А. Айрапетов. Можно констатировать, что война дала мощный импульс глубоким изменениям в функционировании политических систем основных ее участников. На-

стоятельным императивом времени стало инкорпорирование в сохранившуюся в большинстве стран государственную машину той части социал-демократии, которая, отказавшись от радикально-революционной тактики, взяла курс на постепенное реформирование капиталистического строя.

Под влиянием Первой мировой войны назревала необходимость пересмотра взглядов на роль государства в экономике. «Организованный капитализм» 1920-х гг. извлек уроки из скромного опыта государственного регулирования экономики в период войны. Для Германии подобное решение выглядело логичным, ибо в этой стране государство (особенно в Пруссии) исторически играло весьма значительную роль во всех сферах жизни. Своей кульминации меры по огосударственному решению проблем военной экономики достигли в «программе Гинденбурга». Одним из результатов этой программы стало заметное ухудшение продовольственной ситуации в тылу, падение уровня жизни населения, рост социальной напряженности, что создавало предпосылки для революционного взрыва. Вместе с тем, несмотря на ограниченную сырьевую базу, немецкая промышленность смогла обеспечить потребности своей армии практически до самого конца войны.

Важнейшим итогом Первой мировой войны стал распад четырех континентальных империй, повлекший за собой перекартку политической и этнической карты Европы и установление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Распад Габсбургской империи открывал возможности для новой демократической модели международных и межгосударственных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это требовало соответствующей политической культуры, основанной на принципах ненасилия и равноправия наций и государств. Между тем мировая война оставила в «наследство» Версальской Европе лишь опыт насильственного, несправедливого урегулирования международных конфликтов. Американский президент В. Вильсон так оценил его: «Это не договор о мире, по меньшей мере, я вижу в нем повод для начала 11-ти войн».

Под прямым воздействием советской России в Германии и Австро-Венгрии раз-

вернулись национально-демократические революции, определившие дальнейшие пути и характер развития их государственности. Но мне кажется, что эти многоплановые вопросы могут стать темой другого «круглого стола».

Н. Жуковская. Уже в период послевоенного урегулирования выявилось, что одним из краеугольных камней новой миросистемы должно стать понятие «нация». Процессы, связанные с формированием национальных идей, национальным самоопределением, нацистроительством, начинают актуализироваться практически во всех регионах мира.

Безусловно, центром происходивших изменений была Европа. Результатом Первой мировой войны стала серия революций, а также распад и ликвидация Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской империй. Народы, жившие некогда в рамках единых империй, вынуждены были теперь самостоятельно определять или, напротив, принимать определенное им новое место как в геополитическом плане, так и в системе международных отношений в целом. Для кого-то единство нации стало консолидирующим фактором в рамках новых географических ориентиров и политических реалий. Для других народов напротив – символом борьбы за автономию или независимость. Образование СССР, сложный клубок противоречий и конфликтов на Балканах, крах Веймарской республики и появление нацистской Германии – во всех этих примерах мы видим совершенно четкую национальную составляющую в различных ее проявлениях.

Менее конфликтным, но не менее сложным и значимым был процесс нацистроительства на территории Британской империи. Великобритания вышла из войны в числе держав-победительниц и даже приобрела новые территории. Однако это была видимость благополучия. Финансово истощенная, с огромным грузом внутри- и внешнеполитических противоречий, Британская империя в ее довоенном виде проживала свои последние дни. Первая мировая война запустила процесс ее трансформации в Содружество Наций. Жители британских доминионов и колоний, по их собственному выражению, «больше не чувствовали себя англичанами,

проживающими за морем», как это было в XVIII или даже в XIX в. Это были канадцы, австралийцы, новозеландцы, которые ощущали себя самостоятельными нациями и требовали для себя соответствующего статуса. В отличие от метрополии, доминионы и колонии вышли из войны финансово окрепшими, а участие в военных действиях и человеческие жертвы на фронтах усилили в них чувство национальной гордости. Процесс распада Британской империи был необратим. Фактически уже к середине XX в. она превратилась в объединение независимых государств.

Сложный процесс образования национальных государств шел в то время и в Латинской Америке. К началу XX в. в регионе еще оставалось более 20 колониальных владений. Для них вопрос национального самоопределения не стоял так остро, как для государств европейских, и не был столь принципиален, как для британских доминионов. В этом регионе проблемы нацистроительства лежали в другой плоскости. Первая мировая война вывела на международную арену крупнейшего игрока – Соединенные Штаты Америки. Руководствуясь принципами пан-американизма и доктрины Монро, США требовали от государств Латинской Америки исключительно следования в фарватере американских интересов, без какого-либо учета их национальных интересов. Процесс выстраивания отношений с США и попытки отстоять национальные интересы и стал для государств Латинской Америки определяющим в послевоенные годы.

В. Миронов. Наиболее серьезным потрясением для населения послевоенной Австрии стало не столько крушение монархии, сколько утрата культурно-языкового многообразия, свойственного габсбургской эпохе. Особое внимание австрийских историков привлекает то, что с массовым и санкционированным государством уничтожением себе подобных во время Первой мировой войны связано зарождение членоконенавистнической идеологии фашизма.

Общие же истоки национальной революции 1918 г., окончательно освободившей гражданское общество от оков феодализма, следует искать в травмирующем опыте Первой мировой войны. В условиях полного отсутствия опасности справа вследствие разложения имперской армии историческая

миссия лидеров австрийской социал-демократии, возглавивших республиканское правительство, сводилась к тому, чтобы путем умеренных социальных реформ удержать низшие слои общества от леворадикального эксперимента по образцу Октября 1917 г. в России.

В. Романов. Будучи «неамериканской» по своему происхождению, Великая война, тем не менее, оказала судьбоносное влияние и на Западное полушарие. Самым наглядным образом это проявилось в том, что под ее воздействием принципиально новое место в мировой иерархии обретает крупнейшее государство региона. Мировой конфликт закрепил за США роль великой державы, обладавшей огромным политическим и финансово-экономическим потенциалом и стремившейся к глобальному доминированию в системе международных отношений. При этом именно американское руководство инициировало создание новой для того времени модели мирорегулирования, основанной на принципах либерального интернационализма. Внешнеполитический курс В. Вильсона не только ознаменовал своеобразный «революционный разрыв с прошлым», но и обозначил болевые точки развития современных международных отношений. Неслучайно многие историки называют XX в. «вильсоновским» столетием.

Конкретные предложения условий мирного соглашения «по-американски» В. Вильсон изложил 22 января 1917 г. в Конгрессе США, отметив, что «это должен быть мир без победы». Ключевыми принципами такого мира должны стать самоопределение народов и отказ от аннексий. Показательно, что слова президента вызвали жесткую критику со стороны государств Антанты. Русский посол в Вашингтоне Ю.П. Бахметев язвительно назвал его «Самопровозглашенным Президентом Вселенной» и «Новым Дон-Кихотом».

Политическая философия американской программы послевоенного урегулирования была изложена в президентском послании

Конгрессу США (8 января 1918 г.), известном как «14 пунктов» Вильсона. Она основывалась на трех установках. Во-первых, он желал дать ответ большевикам, которые стали новым и очень серьезным «вызовом» для либерального мира. Во-вторых, президент хотел поддержать германских социалистов, которые стали осознавать, что их правительство ведет не оборонительную, а захватническую войну. В-третьих, В. Вильсон пытался предупредить Антанту о необходимости осуществления «либеральной ревизии» военных целей. Апогеем его программы стало предложение о создании Лиги Наций, которая, по замыслу президента, должна была стоять на страже «нового мира» и всеобщей безопасности. Нельзя, конечно, забывать о том, что В. Вильсон сумел «растворить» внешнеполитические интересы США в размышлениях об общечивилизационных интересах. Тем самым вильсонизм, оформившийся в годы войны, оказался первой реальной заявкой на реализацию глобальной программы переустройства мира, которая предусматривала безусловное моральное лидерство Америки.

Л. Протасов. Подведем итог нашего «круглого стола». Великим безумием консервативных монархий назвал американский историк А. Уайлдмэн Первую мировую войну. Давно уже нет тех монархий, но у прошлого длинные тени, и временами коллективное помрачение охватывает не только правителей, но и целые народы. Предсказывать будущее и давать советы нынешним политикам – занятие не для профессиональных историков. Иное дело философы, схватывающие эпоху в мысли. Напомню слова К. Ясперса: «Тот, кто боится войны и готовится к ней, делает ее неизбежной. Тот, кто хочет мира, может стать беспечным и таким образом тоже способствует ее началу. Тот же, кто, не забывая о риске, заботится о безопасности, упрочивает мир и спокойствие».

Поступила в редакцию 30.06.2014 г.

“UNKNOWN” FIRST WORLD WAR: MATERIALS OF “ROUND TABLE”

August 1 will be exactly 100 years since the beginning of the First World War (July 19, according to the article), event that put a heavy stamp on the subsequent development of human civilization. Lecturers of Tambov State University named after G.R. Derzhavin Doctors of History Arutyun Ayrapetov, Vladimir Romanov, Vladimir Mironov, Candidates of History Vladimir Dyachkov, Natalia Zhukovskaya consider at “round table” about war’s place in world history, and Russia in particular, about the origins of many acute problems of today. Doctor of History Lev Protasov leads “round table”.

Key words: First World War; Russia; Europe; America; reorganization of world.